

Огонек

Причудливая вязь инея покрывала окно затейливым зимним узором. Снаружи бушевала метель, крупные хлопья снега с невероятной скоростью проносились мимо, создавая непроницаемую для взгляда завесу. В стекле отражалась пара нетерпеливых желтых глаз. Маленькая единорожка старательно, но безуспешно, пыталась высмотреть за окном свою маму, которая вот-вот должна была вернуться с работы. Ведь сегодня был канун Дня Согревающего Очага и они должны были провести его вместе.

Динки была так сосредоточена, что не сразу услышала стук в дверь. Сообразив, кто это может быть, она маленькой молнией рванула с места и впустила Дерпи в дом. На пороге стояла целиком покрытая снегом, мелко подрагивающая от холода пегаска. На мордочке светились от счастья два оранжевых глаза.

— Привет, моя радость, — немного заикаясь от холода, сказала она, счищая с себя снег. — Растопи, пожалуйста, камин. Мамочке надо согреться.

Шутливо отдав честь, единорожка метнулась в гостиную. На миг она замерла, лишний раз восхищаясь открывшимся видом: небольшая, но очень красивая елка стояла посреди комнаты. Малышка сама вместе с мамой вырезала, складывала и вешала разноцветные украшения. А на самом верху небольшого дерева располагалась яркая звезда из картона.

Всего мгновение полюбовавшись творением своих копыт, Динки принялась за дело. Камин и так уже горел, но слабо-слабо. Мама очень замерзла, значит ей нужен огонь побольше. Не раздумывая, единорожка, жмурясь от прикладываемых усилий, забросила внутрь самое большое полено. Деревяшка с глухим грохотом шлепнулась в горстку дотлевающего пепла, поднимая в воздух небольшой рой алых угольков.

Динки довольно перевела дыхание, замороженно наблюдая, как огонь жадно принялся лизать деревянный бок. От ее взгляда ускользнуло несколько особо шустрых искорок, пролетевших мимо. Волею судьбы, они, описав несколько петель, приземлились прямо на бумажное украшение, так старательно изготовленное кобылкой. Бумага занялась, начала дымить, постепенно рождая небольшой огонек. Быстро распространяясь, пламя перекидывалось с одного украшения на другое, подсушенная хвоя поддавалась стихии, и послышался характерный для ее горения треск.

Обернувшись, Динки в шоке замерла, увидев разгорающийся пожар. В ее голове пронеслась паническая мысль: «Тушить!» Не медля больше ни секунды, единорожка сделала первое, что смогла придумать: повалила маленькое дерево на пол и принялась затапывать пламя. Огонь обжигал ноги маленькой кобылки, по ее глазам текли слезы

боли, но она упрямо топала, пока последний огонек не истаял струйкой дыма под ее испачканном сажей копытом.

В гостиной был разгром. Центр комнаты покрывала сажа и копоть, полусгоревший остов елки лежал на полу. Перепачканная единорожка плакала над погубленным праздником. Перед ней как раз лежала грязная, уже совсем не такая яркая, перемазанная углем картонная звезда. Малышка утирала слезы, оставляя на лице черные разводы. Вот-вот должна была войти в комнату ее мама и увидеть, что праздник безнадежно испорчен. Как можно праздновать День Согревающего Очага не имея в доме елки?

И тут Динки осенило: а что если она добудет новую елку? Тогда мама не так расстроится и праздник будет хоть и подпорчен, но спасен. Прислушавшись, единорожка уловила тихое пение из ванной комнаты. Какое-то время Дерпи будет занята приведением себя в порядок после всей этой снежной бури, так что еще есть шанс. Снежной бури... Вспомнив о погоде за окном, кобылка поежилась. Это будет нелегкий путь, но она должна это сделать. Ради мамы. Ради праздника. Ради Эквестрии.

Не мешкая, Динки схватила и напялила шапку и шарф, сунула в сумку маленький топор и, забыв о сапогах, с головой окунулась в бушующую вьюгу. Ледяной ветер тут же взъерошил чуть отросшую к зиме шерстку. Снег неприятно охлаждал слегка обожженные ноги. Щурясь от бьющей по глазам метели, единорожка брела вперед, в направлении Вечносвободного леса. Там, на окраине был небольшой перелесок, где как раз росли ели подходящего размера. Не раз, гуляя с мамой мимо, она гадала, какая же из них украсит их гостиную.

Воспоминания об оставленном дома кошмаре заставили малышку зажмуриться от отчаяния и ускорить темп. Не видя куда идет, она сражалась с пробирающим ее морозом, с трудом переставляя ноги в достаточно высоком снегу. Сейчас идея отправиться в лес, одной, в такую погоду, казалась ей не самой удачной. Однако, обернувшись, она увидела лишь белую пелену снега, даже следы уже замело. В какую сторону ни глянь, везде одно и то же. Динки поняла, что заблудилась.

Маленькое сердечко сжало тисками отчаяния. Внутри словно что-то оборвалось. Ноги похолодели уже отнюдь не от окружающего их снега. В голову единорожке ударила паника. Не разбирая пути, она понеслась сквозь бурю, надеясь наткнуться хоть на что-то. Но вокруг было пусто. Словно весь мир превратился в бесконечную ледяную пустыню. Пустыню без конца и края.

Динки стало по-настоящему страшно. В ужасе, она металась из стороны в сторону, выбиваясь из сил, надеясь найти хоть какой-то ориентир. Тщетно. Слезы вновь навернулись на обычно веселые желтые глаза, только в этот раз они были совсем грустные. «Сожгла елку, испортила праздник», — проносились мысли в голове

единорожки. «Теперь вот замерзну насовсем непонятно где. И никто меня не найдет. Мама... Забери меня, пожалуйста. Мама.»

— Мама! — что есть мочи вопила Динки, захлебываясь слезами. — Мама!!!

Но ветер уносил ее зов прочь, в небеса, где его никто никогда не услышит. Единорожка поняла это, замолкая, сдаваясь на волю стихии. Она сидела на снегу, чувствуя, как холод забирается под шерстку, как идет от ног, разливается по телу, сжимает грудь. Ей уже не было холодно, она просто устала. Малышка легла, свернувшись калачиком вокруг своей сумки, и уснула. Уже через минуту ее мелко подрагивающее тело скрылось под слоем снега.

Беззаботная песенка серой пегаски внезапно оборвалась. Острое чувство тревоги нахлынуло на Дерпи. Это неприятное ощущение гнало ее, требовало двигаться, торопиться, не стоять на месте. Оставив гриву не уложенной, она вышла из ванной комнаты. Представший перед ее глазами беспорядок в гостиной поверг обычно веселую кобылку в шок. Острый запах гари в воздухе, полусгоревшая елка на полу, черные отпечатки маленьких копыт повсюду. Следы вели к входной двери. Пропажа шапки и шарфа...

— Динки! — непроизвольно вырвалось у пегаски. Забыв обо всем, она ринулась к выходу, надеясь догнать непутевую дочь. Дверь распахнулась в бушующую вьюгой ночь. Не был видно ни следов, ни самой малышки, ни даже собственных копыт. И, тем не менее, Дерпи не раздумывая ринулась вперед. Крепко прижимая крылья к телу, чтобы не распахнулись и не унесли в ночь, игнорируя леденящий ветер, она уверенно шла вперед, надеясь отыскать малютку. Успеть, пока не поздно. Она отказывалась даже думать о том, что может произойти.

— Динки! — голос пегаски ввинчивался в свист ветра. — Динки-и-и!!!

Она звала, она кричала во всю мощь своих легких, стараясь перекрыть неумолимую стихию. Ее дитя, самое дорогое что у нее есть, где-то там в этом снегу. Возможно, в этот самый момент дочь зовет ее, ждет и верит, что мама придет на помощь, мама спасет. Казалось, что снег никогда не кончится, что все усилия бесполезны, что в одиночку она никогда не справится, что нужно звать на помощь. Но Дерпи отмела все эти мысли. Пока она будет искать подмогу, даже пока она будет думать о том, что ей нужна помощь, ее Динки может...

Но серая пони совершенно не знала куда идти, в какой стороне искать дочь. Растерянно топчась на месте, она начала впадать в отчаяние. Паника протянула свои когтистые лапы к ее сердцу, ускоряя его стук. И тут пегаска заметила едва заметный за

снежной пеленой белый огонек. «Может это она подсвечивает себе путь?» — пронеслось у нее в голове. Не теряя ни секунды, она стремглав рванула сквозь бурю к своему единственному ориентиру.

Пегаска бежала и бежала, не сводя глаз с мерцающего огонька. От его вида в ее груди разливалось непонятное тепло и спокойствие. Забыв про холод и снег, игнорируя пронизывающий ветер и глубокие сугробы, она упрямо двигалась вперед. Но как бы быстро пони не старалась, цель не приближалась. Словно кто-то, дразня, манил ее в неизвестном направлении. Стоило ей об этом задуматься, как очередной сильный порыв ветра бросил ей в мордочку ворох снежных хлопьев, заставив зажмуриться. Когда Дерпи открыла глаза, огонек уже пропал.

Растерявшись, не зная, что делать, пегаска поспешила к месту, где как она думала, последний раз видела светящийся ориентир последний раз. Всматриваясь вдаль, надеясь вновь увидеть спасительный свет, Дерпи совершенно не смотрела себе под ноги, полностью поглощенная поисками. Ей казалось, что она вот-вот найдет источник света и, возможно свою дочь.

Внезапно ноги пегаски наткнулись на что-то твердое. Она споткнулась и, потеряв равновесие, упала, ткнувшись мордочкой в сугроб. Поднимаясь на ноги, она заметила торчащий из белого снега пучок соломенных волос. С замиранием сердца, боясь поддаться ложной надежде, кобылка принялась лихорадочно копать. К ее величайшему счастью, из под снежного покрова показалась сначала голова единорожки, а затем и все остальное тело. Динки, казалось, не дышала, но Дерпи отказывалась верить в это. Крепко прижав к себе свою дочь, серая пони почувствовала, как в этой маленькой холодной кобылке, едва слышно стучит сердечко. Слезы счастья навернулись на глаза пегаски. Она успела. Она нашла. Она больше никогда не отпустит.

Пробуждение оказалось не из приятных: все тело трясло, копыта болели, дышать было тяжело. Словно, весь мир лег на плечи, не давая вдохнуть полной грудью. Открыв глаза, маленькая единорожка осмотрелась. Гостиная, все так же испачканная сажей. Ее копыта в теплых шерстяных чулочках. На спину наброшено сразу несколько одеял. Теплый, приятно пахнущий серый бок рядом на диване. Динки встретила с обеспокоенным взглядом оранжевых глаз и тут же опустила голову. Чувство стыда нахлынуло на маленькую пони, слезы побежали по щекам.

— Я... я испортила праздник, — тихонько прошептала она, ощущая комок в горле. — Сожгла елку. Я хотела найти новую, пока ты не увидела, хотела как лучше, и потом... потом... получилось как всегда. Я не хотела тебя расстраивать.

Копыто матери мягко опустилось на голову сотрясающейся от сдерживаемых рыданий кобылки. Та вздрогнула и подняла взгляд.

— Никакая елка, никакой праздник не стоят риска потерять тебя, — тихо, с хрипотцой сказала Дерпи. Нагнувшись, она заключила малышку в крепкие объятия. — Никогда, никогда не делай так больше. Я ужасно за тебя перепугалась.

Динки не могла вымолвить ни слова. Утирая слезы, она просто была рада, что мама рядом, что все хорошо, что они вместе. Пегаска крепко-крепко держала свою дочь, словно никогда не собираясь ее отпускать. Не сдерживаясь, она тоже плакала. Так две пони и сидели, обнявшись на диванчике у остова полусгоревшего дерева. И не нужна им была елка, не нужны украшения, ведь они были друг у друга. И они были счастливы.

— Мам? — нарушил тишину голос Динки. — Прости что я сбежала.

— Ничего страшного, моя радость, — улыбнулась Дерпи, ощущая знакомое тепло в груди. — Зато я тебя нашла.

— Но как? — зевая, спросила малышка. Глаза ее уже закрывались.

— А это будет моей маленькой тайной. Спи, мой огонек, — загадочно прошептала ее мама, поудобнее укутывая дочь, пряча маленькие согретые копытца под одеяло. Через минуту маленькая единорожка уже спала. А еще через пять и пегаска.